

М. С. Чудакова

Становление региональных органов политического сыска в царской России

В статье на основе архивных источников рассмотрены основные проблемы и трудности становления местных структур политического сыска Тверской и Ярославской губерний в XIX в. Центральный промышленный район, куда входили эти губернии, представлял важнейший экономический и политический центр России, что требовало особой бдительности властей. Подчеркивается важная роль, помощь Департамента полиции и Московского охранного отделения не только в процессе формирования региональных структур политического сыска, но и в наиболее важных «делах» и «раскрытиях» начального этапа их работы. Проанализированы проблемы законодательного и кадрового обеспечения розыскных отделений. Отмечено, что для всего периода формирования и деятельности новых органов политического сыска, розыскных (охранных) отделений характерны противоречия с общей полицией и Губернаторами. Выявлена прямая зависимость между интенсивностью оппозиционного движения, изменением его характера и территориального размаха с качественным и количественным составом местных органов сыска, их структурой, а также формами и методами работы. Подчеркивается, что процесс становления органов политического сыска в губерниях Верхнего Поволжья был типичен для большинства регионов России названного периода.

Ключевые слова: Департамент полиции, губернские жандармские управления, охранные отделения, общая полиция,

M. S. Chudakova

Formation of Regional Bodies of Political Criminal Investigation in Imperial Russia

In the article on the basis of archival sources the main problems and difficulties of formation of local structures of political criminal investigation of Tver and Yaroslavl provinces in the XIX century are regarded. The Central industrial region, this region included the mentioned provinces, was the most important economic and political center of Russia that demanded special vigilance of the authorities. It is emphasized the important role and help of the Department of Police and Moscow Security Office not only in the process of formation of regional structures of political criminal investigation, but also in the most important "cases" and "solutions of the crime" of the initial stage of their work. Problems of legislative and staffing support of search offices are analysed. It is noted that for the entire period of formation and activity of new bodies of political criminal investigation and search (security) offices it is typical that there are contradictions with the general police and Governors. Direct dependence is revealed between intensity of the oppositional movement, change of its character and territorial scope with the qualitative and quantitative structure of local bodies of criminal investigation, their structure, and also forms and work methods. It is emphasized that the process of formation of bodies of political criminal investigation in provinces of the Upper Volga Region was typical for the majority of regions of Russia of the called period.

Keywords: the Police Department, provincial gendarme departments, security offices, general police.

Во второй половине XIX в. в регионах политическим сыском занимались созданные на основе Положения об Отдельном Корпусе жандармов от 16 октября 1867 г. губернские жандармские управления. «Губернские жандармские управления, – отмечалось в Положении, – несут обязанности только наблюдательные, содействуя впрочем к восстановлению нарушенного порядка только в таком случае, когда приглашены будут к тому местными властями, по собственному же побуждению они принимают непосредственное участие к сохранению общественного спокойствия только при небытности на месте чинов исполнительной полиции» [22]. Впервые институт жандармов появился в Ярославле в 1827 г., но

лишь в 60-е гг. XIX в. стало наблюдаться оживление его деятельности. В 1867 г. последовало создание Ярославского губернского жандармского управления [13] (далее – ЯГЖУ), имевшего свою канцелярию, которая делилась на три части: строевую, наблюдательную и хозяйственную. У начальника управления имелись два помощника по Ярославлю и Рыбинску, Мышкинскому и Мологскому уездам. В введении управления находилась и жандармская часть [10]. Тогда же аналогичное ГЖУ с соответствующим штатом было открыто в Твери (далее – ТГЖУ). Местные органы политического сыска имели двойное подчинение: Отдельному корпусу жандармов – в строевом, хозяйственном и инспекторском отно-

шении, Департаменту полиции (далее – ДП) – в оперативно-розыском плане.

Первый период деятельности жандармских управлений приходится на годы относительного затишья местного общественного движения. Так, в 1867 г. в Тверской губернии было лишь одно выступление крестьян, потребовавшее участия чинов жандармского корпуса. В земских управах и городских думах в результате выборов большинство голосов получили консерваторы. Тверским губернским предводителем дворянства и председателем губернской земской управы несколько раз избирался консерватор – старицкий помещик Б. Мещерский. Однако уже в начале 70-х гг. XIX в. происходят волнения на местных текстильных фабриках. В крупнейшей из трех забастовок участвовало более 1000 рабочих. В 1874 г. либералы получили большинство мест в Тверской губернской земской управе. «Дружественный нейтралитет по отношению к революционерам» тверского либерального земства, близость Твери к обеим столицам вызвали большой приток сюда политических поднадзорных. В земстве они получали работу, а на железнодорожной станции могли свободно видеться с проезжавшими революционерами. В декабре 1888 г. под негласным надзором полиции в Твери состояло 28 человек, а в январе 1889 г. – 34 человека [5]. В 1899 г. в Твери проживали: 91 человек негласно-поднадзорных, 38 – гласно-поднадзорных, 20 человек под особым надзором полиции [24].

Многочисленные изменения в системе органов политического сыска России вызвала ярко выразившаяся на рубеже веков тенденция революционного движения к децентрализации. «Социал-демократы, – говорилось в инструкции Департамента полиции, – перенесли свою деятельность в провинцию (преимущественно на северо-запад и юг), где она и развивалась благодаря тому, что губернские жандармские управления, исполнявшие главным образом обязанности по исследованию государственных преступлений, при значительном числе их, не имели возможности организовать планомерную борьбу с нараставшим революционным движением, тем более, что штаты, в большинстве указанных управлений, были малочисленны» [15, л. 2]. Яркой иллюстрацией вышесказанного являлись состояние и деятельность местных органов политического сыска Тверской и Ярославской губерний.

С 6 ноября 1887 г. Тверским ГЖУ руководил полковник князь Девлет-Кильднев (Кильдеев). Весьма показателен и типичен отчет начальника

ТГЖУ Департаменту полиции за 1888 г. В нем отмечается, что «настроение умов низшего класса народонаселения Тверской губернии... благоприятно правительству. Крестьяне преданы Государю Императору..., хотя большая часть их занимается отхожими промыслами и работами на фабриках». Этого нельзя было сказать об интеллигенции, значительная часть которой «относится весьма сочувственно к социально-революционному движению, не упуская случая оказать посильную помощь словом и делом» [4, л. 1, 1 об.].

Забастовочное движение 90-х гг. XIX в. в Твери, возникновение социал-демократических организаций застали местных жандармов врасплох. «Городская полиция, как и уездная, – читаем мы в том же отчете, – не оправдывает своего назначения отчасти неправильными действиями, а главное весьма низким уровнем нравственных качеств». Далее начальник ТГЖУ отмечал отсутствие влияния на своих подчиненных со стороны Тверского полицмейстера Мошкова, который пользуется «излишней мягкостью Тверского губернатора, безусловно честного и весьма снисходительного и доброго». Отмечая неудовлетворительное исполнение службы низшими чинами полиции, он критиковал и частных приставов, которые «заботятся о своих личных интересах, оставляя массу преступлений без внимания» [4, л. 8 об., 9, 9 об.]. Основную причину всех волнений начальник ТГЖУ, по-прежнему, видел в неблагонадежном земстве. Отчитываясь перед ДП в 1891 г., он отмечал: «По наблюдению за населением Тверской губернии вообще серьезных беспорядков и вредного направления... замечено не было. Из среднего же класса населения весьма много (особенно служащие в земстве) представляют собой слишком неблагонадежный элемент» [7].

На протяжении всего этого времени ТГЖУ и ЯГЖУ сохраняли старые штаты и структуру, установленную в 1867 г. В ГЖУ состояли начальник, адъютант, писарь, семь унтер-офицеров. На секретные расходы полагалось 500 рублей в год [2]. Не было филеров. В силу этого, когда потребовалось организовать наблюдение за членами кружка Барыбина, в Тверь приехал летучий отряд филеров из Москвы. Начальник ТГЖУ в своем донесении Директору ДП 9 января 1894 г. отмечал: «Тверь как промежуточный и во многих отношениях весьма удобный пункт между Петербургом и Москвою всегда изобилует такою массой неблагонадежных лиц, следить за которыми при наличных средствах (3 агента) нет никакой

возможности». В подтверждение своих выводов он продолжал: «Недавнее обнаружение здесь революционного кружка Барыбиных и гектографированных преступных изданий может служить наилучшим тому доказательством» [6, л. 66]. При необходимости расследовать какое-либо дело политического характера в уездах ГЖУ направляло туда своих секретных сотрудников. Однако, не имея опыта, связей и знакомств на местах, существенной роли в раскрытии преступлений они играть не могли.

Весьма закономерным, таким образом, выглядело обращение за помощью в Московское охранное отделение. «В свое время я имел честь, – подтверждал вышесказанное начальник ТГЖУ, – представлять в ДП много таких агентурных сведений, которые, несомненно, послужили основанием к учреждению здесь (в Тверской губернии. – М. Ч.) наблюдения через Московское охранное отделение... Тем не менее, фактическое обнаружение всего этого принадлежит не местной власти, а столичной, располагавшей, несомненно, большими для того средствами». Даже дознание о кружке Барыбиных проводилось в Петербурге. Несмотря на аресты, «положение дел в Твери не только не улучшилось, но напротив, еще более усложнилось», поскольку «все остающиеся на свободе, причастные к этому кружку лица, высказывают... гораздо большую, чем прежде деятельность». Основная «вина» революционеров заключалась в том, что «они изощряются в способах вводить в заблуждение полицию, отвлекать ее внимание и вообще ослаблять бдительность наблюдательных органов, вынуждая их в большинстве случаев непроизводительно тратить время... в безуспешных розысках и в бесплодной переписке об их свободных, ничем не стесненных переездах». Начальник ТГЖУ делал вывод о необходимости увеличения штатов и сумм на секретные расходы, констатируя: «При значительном развитии в моем управлении переписки и массы почти ежедневно поступающих ко мне требований Петербургского ГЖУ по предметам дознания о кружке Барыбиных я нахожусь в большом затруднении» [6, л. 66].

Следовательно, эффективность работы местного ГЖУ без помощи извне была минимальной. В период с 1873 по 1887 г. ТГЖУ в области политического сыска ни разу не выступало самостоятельно, выполняя лишь требования московских и петербургских начальников. Исключением является арест Кравчинского и Рогачева в Новоторжском уезде. Однако инициатива в этом слу-

чае исходила не от ГЖУ, а от волостных властей. Примечательно, что после побега арестованных их безуспешно искали в течение трех лет [1]. Нет заслуги ТГЖУ и в аресте Степана Зарубаева, организатора первого рабочего кружка на фабрике Морозовых. Ликвидация была осуществлена местными жандармами по доносу фабричной администрации. Последняя имела свою, хорошо поставленную, в отличие от ТГЖУ, секретную агентуру.

Повторная настоятельная просьба об увеличении штатов и сумм на секретные расходы была отправлена из Твери 31 января 1894 г. [6, л. 70, 71]. Уже 7 февраля 1894 г. ДП сообщил: «Согласно разрешения... Товарища Министра внутренних дел, Зав. Полицией на покрытие секретных расходов вверенного Вам управления в текущем году ассигновано вместо 1000 рублей – 1500 рублей... По вопросу об усилении личного состава... на днях последует надлежащее распоряжение». Оно не заставило себя долго ждать. Штат Управления отныне состоял из начальника, двух помощников (в уездах), адъютанта, двух писарей и 27 унтер-офицеров (20 из них также работали в уездах). Количество секретных сотрудников было увеличено до четырех [6, л. 72, 72 об.].

В 1894 г. чинами дополнительного штата ТГЖУ было произведено 20 дознаний, 280 поездок унтер-офицеров по своему участку. В течение года помощнику начальника ТГЖУ поступило 862 донесения от унтер-офицеров. Под негласным надзором полиции состояло 67 человек [9]. В Ярославской губернии чинами дополнительного штата ЯГЖУ в 1897 г. произведено 62 поездки по участку, поступило 713 донесений унтер-офицеров. Под негласным надзором полиции состояло 30 человек [11].

В 1896 г. Тверская губерния вновь оказалась в центре внимания ДП в связи с ожидавшимися во время коронации выступлениями рабочих. Департамент призывал начальника ТГЖУ «обратить особое внимание чинов... управления на фабричные местности губернии и особенно на крупные центры с многочисленным рабочим населением» [8, л. 1]. Департамент предписывал в кратчайшие сроки представить список «всех фабричных местностей губернии с указанием приблизительного числа рабочих, характера производства». Предлагалось также оценить степень опасности, которую могут представлять те или иные местности. Необходимо было доложить «существующую диспозицию нижних чинов... управления в фабричных районах», а также

представить собственные соображения «относительно расположения жандармских пунктов в означенном районе с начала апреля по конец августа 1896 г.» [8, л. 1 об.]. Более того, надо было «озаботиться приисканием надежных секретных агентов для наблюдения за настроением рабочих в главнейших фабричных центрах и сведения о намеченных для этой цели лицах, предварительного принятия их на службу, сообщить на усмотрение Департамента, который ассигнует... необходимые на этот предмет средства» [8, л. 1 об.]. Последовали соответствующие распоряжения начальника ТГЖУ. Унтер-офицер дополнительного штата сообщал 29 января 1896 г. о том, что писчебумажная фабрика Кувшинова (720 рабочих) расположена в 83 верстах от Николаевской железной дороги, стекольный завод Наставина (240 рабочих) – в 89 верстах. На расстоянии всего 130 сажень находился стекольный завод Добровольского (146 рабочих) [8, л. 3, 3 об.].

Здесь же даны сведения об агентуре. На фабрике Кувшинова наблюдение за рабочими было поручено «одному из рабочих, крестьянину села Тысяцкого, И. Владимирову, который живет у Кувшинова 11 лет., человек благонадежный, прежде служил в Петербурге дворником». У Наставина соответствующие функции исполнял помощник конторщика Х. Семенов [8, л. 3 об., 4]. Вышневолоцкий уездный исправник также получил распоряжение «негласным образом приискать из числа служащих в г. В. Волочке на фабриках и заводах 2–3 благонадежных секретных агента, которые согласились бы за предполагаемое денежное вознаграждение от ДП принять на себя обязанности наблюдать за настроением фабричного люда» [8, л. 5]. В ответном донесении исправник сообщал о 9 агентах, которые будут сообщать о настроениях рабочих на фабриках Рябушинского и Прохорова [8, л. 7, 7 об.].

В марте 1896 г. Департамент полиции признает необходимым усилить наблюдение за фабричным населением. Зная состояние местных органов сыска, в Тверскую губернию направили 8 унтер-офицеров дополнительного штата. Помимо этого, предписывалось учредить временные жандармские пункты, список которых с указанием местности сообщить губернатору. Особо подчеркивалось: «Все распоряжения по наблюдению за рабочими в фабричном районе должны предприниматься в полном единении с местной администрацией и чинами фабричной инспекции, причем агентурные сведения о всяком движении тревожного характера среди рабочих должны

безотлагательно сообщаться как Вами, так и Вашими помощниками губернатору и чинам полиции и фабричной инспекции» [8, л. 29, 29 об.]. В итоге все опасения оказались напрасными [8, л. 44, 44 об.]. Подводя итог, отметим, что проблемы Тверского ГЖУ (нехватка квалифицированных кадров, недостаток оперативной информации и т. п.) были типичны для всех ГЖУ региона.

Итак, производившиеся при ГЖУ формальные дознания весьма существенно помогали розыску путем склонения некоторых лиц к откровенным показаниям и даже к оказанию агентурных услуг. Однако это не могло радикальным образом способствовать борьбе с революционным движением, учитывая то, что основная обязанность чинов ГЖУ заключалась в проведении формальных дознаний, то есть в разработке результатов розыска [15, л. 2 об.]. Выход из этого положения был найден путем учреждения (в инструкционном порядке) в тех местностях, где революционные эксцессы проявлялись в особо угрожающих формах, и исключительно для осуществления розыска путем секретной агентуры и наружного наблюдения, розыскных отделений, в 1903 г. переименованных в охранные.

Впервые Охранное отделение было создано в Петербурге в 1866 г., а в 1880 г. – в Москве и Варшаве. Московское отделение обслуживало не только Москву и пригороды, но охватывало еще 13 губерний, в том числе Тверскую и Ярославскую. 12 августа 1902 г. появилось «Положение о начальниках розыскных отделений», в соответствии с которым в городах, где замечалось «особо усиленное развитие революционного движения», учреждались розыскные отделения, на начальников которых возлагалось «заведование политическим розыском, то есть наружным наблюдением и секретной агентурой в известном определенном районе» [14].

Однако встала проблема законодательного обеспечения розыскных отделений, ибо поначалу они существовали «незаконно и нелегально» [20]. Выход из положения был найден «путем проведения в порядке ускоренного законодательства вопроса об учреждении при Департаменте полиции должности чиновников особых поручений...». Было указано, что на этих лиц «возлагается Департаментом и прокурорским надзором производство дел розыскного характера политического свойства» [20]. На охранные пункты (отделения) возлагались следующие задачи: «1) наблюдение за учащейся молодежью и учебными

заведениями в целях осведомленности на случай могущих быть сходок, демонстраций и иных беспорядков (§ 1); 2) принятие мер к предупреждению и расследованию причин недозволенных законом демонстраций, сходок и собраний; 3) наблюдение, в политическом отношении, за клубами, обществами; 4) наблюдение в политическом отношении за рабочим и крестьянским населением» (§ 2) [21, с. 383]. Предполагалось тесное сотрудничество начальника соответствующего ЖУ и заведующего охранным пунктом. Они должны были поддерживать «самое тесное общение, не входя, однако, в обсуждение их действий по существу» [21, с. 384], поскольку они подлежали ведению и руководству ДП (§ 9). В §10 отмечалось, что заведующие охранными пунктами несут «службу строго конспиративного характера» и *не являются лицами официально должностными* (выделено мной. – М. Ч.). Между собой заведующие пунктами должны были общаться посредством записок. Аналогичный порядок предусматривался для связи с ДП, чинами Корпуса Жандармов и начальниками охраненных отделений.

Таким образом, гражданские чины или офицеры корпуса жандармов в конечном итоге были прикомандированы к Департаменту полиции и рассеялись по России в тех губерниях, где наблюдались революционные вспышки. И если сначала, как уже отмечалось, существовало три охраненных отделения, то в 1902 г. эти специальные органы политического сыска были учреждены почти во всех более или менее крупных городах Российской империи. Несмотря на неоднократные просьбы начальника ЯГЖУ об учреждении такого отделения [19], оно было открыто здесь лишь в сентябре 1904 г. [18] и опять-таки при ГЖУ (существовало до 1906 г.), хотя еще в 1901 г. ярославский губернатор в своем «Отчете» писал: «Ярославский промышленный район может быть очень опасен, потому требует со стороны правительства усиленной заботы» [12].

Созданные в начале века 15 дополнительных охраненных отделений относились к охраненным отделениям второго разряда, в том числе в «Риге ... Ярославле, Н. Новгороде...». Смета расходов на их содержание предусматривала: начальнику охранного пункта – 3.600 руб. в год; на разъезды – 240 руб.; письмоводителю – 900 руб.; на агентуру и вознаграждения сотрудникам (не менее трех) – 1.800 руб.; содержание конспиративной квартиры – 240 руб.; филерам (10 человек по 50 руб.) в месяц – 6.000 руб.; суточные расходы (15 руб. в

месяц) – 1.800 руб.; итого: 15.890 руб. [3]. Сведений о существовании аналогичного отделения в Твери не обнаружено.

В организации политического сыска, особенно на начальном этапе, часто сталкивались интересы чинов общей полиции, привыкших к безраздельному господству в этой области, и тех, кто был назначен Департаментом полиции специально для организации розыскного дела. Такая трудность встала и перед ротмистром Немчиновым, направленным в 1904 г. для постановки дела политического сыска в Ярославль. Он отмечал: «С первых шагов своей деятельности я наткнулся на ожесточенный антагонизм со стороны всех, без исключения, чинов полиции, доходивший до того, что агенты полиции отгоняли силою вверенных мне филеров от домов, входивших в сферу их наблюдения, и активно проваливали их» [23].

В Тверской губернии взаимоотношения ГЖУ с местной полицией и губернатором имели свои особенности. Начальник ГЖУ, в отличие от остальных чиновников губернской администрации, подчинялся не губернатору, а непосредственно ДП и Отдельному корпусу жандармов. Докладывая о деятельности чиновников, начальник ГЖУ освещал и работу губернатора. По требованию последнего обо всех происшествиях политического характера местная полиция сообщала не в ГЖУ, как было положено, а в канцелярию губернатора. В результате ГЖУ было не в состоянии ответить на запрос ДП о местной общественно-политической жизни. Жалобы на губернатора остались без ответа [1].

Такое положение наложило свой отпечаток и на взаимоотношения ГЖУ с общей полицией. Полковник Девлет-Кильдеев в своем донесении в ДП констатировал, что ГЖУ находится под наблюдением общей полиции: лица, посещавшие управление, брались на учет. Получив таким образом сведения о секретных сотрудниках, полиция различными способами предавала их имена гласности [6, л. 3 об.]. Не меньше претензий и к тверскому уездному исправнику, отличающемуся «большой небрежностью в исполнении своих обязанностей и еще меньшей общительностью по отношению к чинам Корпуса жандармов». Неудовлетворительной признал начальник ГЖУ организацию наблюдения за негласно-поднадзорными. «Желая всячески отставить от себя ответственное и трудное дело негласного наблюдения, Тверской исправник просто приказал сотским и десятским выгуливать их, вследст-

вие чего... были поданы жалобы», – констатировал он [4, л. 9 об., 11 об.].

Приоритет разработки сведений агентуры отдавался именно охранному отделению – специфическому органу политического сыска, тем более, что начальник охранного отделения губернии обладал большими полномочиями и возможностями, чем офицер ГЖУ. Без его ведома не могли производиться обыски и аресты [16]. Следовательно, даже начальник ГЖУ (полковник или генерал) по вопросам политического сыска подчинялся начальнику охранного отделения (как правило, ротмистру).

В этой ситуации интересы личные (повышение в чине, награды) ставились выше интересов дела, а ведомственные амбиции превалировали над общей целью политического сыска. Подобные трения были характерны для всех ветвей системы сыска: общей полиции, жандармских управлений и охранных отделений. Противоречия между органами политического сыска и общей полицией, соперничество между ГЖУ и охранкой, ведомственный сепаратизм не только не способствовали эффективной борьбе с оппозиционным элементом, но и не позволяли сосредоточить все усилия на непосредственном выполнении стоящих перед органами политического сыска задач. Не принесли ожидаемого результата и усилия ДП, направленные на преодоление разногласий [17].

Создание розыскных (переименованных затем в охранные) отделений имело своей целью приблизить карательный аппарат к правоохранительным организациям, перенесшим деятельность из центра в регионы. Охранные отделения, учрежденные в порядке ускоренного законодательства, являлись чрезвычайными органами политического сыска. Вспомним, что их руководители первоначально не являлись официальными должностными лицами. Сформированные исключительно с целью ведения политического сыска, они осуществляли преследование оппозиции, подчинив себе в этом вопросе официальные жандармско-полицейские органы: ГЖУ и общую полицию. Известно, что, возникнув в период начала активизации деятельности общеполитических органов, охранные отделения столиц входили в состав канцелярий обер-полицмейстера и градоначальника. Это позволяло, изначально разграничив их функции, избегать противоречий между общей полицией (во главе которой стоял полицмейстер) и охранкой. Иное положение отмечалось в регионах. Учрежденные в более

позднее время, чем в столицах, охранные отделения складывались самостоятельными розыскными органами (хотя на определенных этапах входили в состав ГЖУ) и потому вынуждены были «отвоевывать» свое право на ведение политического сыска у полицмейстера и подотчетной ему общей полиции, а также у местных ГЖУ.

Принципы, приемы и механизм политического сыска нарабатывались десятилетиями и приводились (хотя и с некоторым опозданием) в соответствие с изменениями характера оппозиционного движения. Это достигалось усложнением функций, структуры, изменением круга стоящих перед ними задач, привлечением к политическому сыску дополнительных сил. По мере приобретения опыта борьбы с оппозиционным движением у местных структур формировались собственные приемы, учитывающие местные условия. Постоянно анализируя становление региональных структур, их качественный и количественный состав, ДП предпринимал конкретные шаги по разрешению возникших трудностей. И если противоречия между охранкой, ГЖУ, общей полицией и Губернаторами сохранялись вплоть до 1917 г. [24], то качественный состав местных органов сыска в некоторой степени улучшить удалось: в начале XX в. создаются школы для подготовки унтер-офицеров, а средний и старший офицерский состав готовится на курсах при ДП.

Процесс становления органов политического сыска в губерниях Верхневолжья был типичен для России в целом, что позволяет рассматривать данную проблему не только в узорегиональном значении.

Библиографический список

1. Архив УФСБ Тверской области. Коллекция архивно-следственных дел.
2. Верой и правдой. ФСБ. Страницы истории [Текст]. – Ярославль, 2001. – С. 62.
3. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). – Ф. 102 ОО 1902. – Д. 825. – Л. 15 об.
4. ГАТО (Государственный архив Тверской области). – Ф. 927. – Оп. 1. – Д. 52.
5. ГАТО. – Ф. 927. – Оп. 1. – Д. 96. – Л. 10, 26 об.
6. ГАТО. – Ф. 927. – Оп. 1. – Д. 98.
7. ГАТО. – Ф. 927. – Оп. 1. – Д. 137. – Л. 5.
8. ГАТО. – Ф. 927. – Оп. 1. – Д. 235.
9. ГАТО. – Ф. 927. – Оп. 1. – Д. 1530. – Л. 7.
10. ГАЯО (Государственный архив Ярославской области). – Ф. 906. – Оп. 1. – Д. 297. – Л. 22 об.
11. ГАЯО. – Ф. 906. – Оп. 4. – Д. 186. – Л. 2 об., 3.
12. ГАЯО. – Ф. 906. – Оп. 4. – Д. 278. – Л. 9.
13. ГАЯО. – Ф. 906. – Оп. 4. – Д. 13. – Л. 1.

14. ГАЯО. – Ф. 908. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 60 Б.
15. ГАЯО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 463.
16. ГАЯО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 63. – Л. 11.
17. ГАЯО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 65. – Л. 187.
18. ГАЯО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 29.
19. ГАЯО. – Ф. 906. – Оп. 4. – Д. 273. – Л. 244 (1902 г.); ГАЯО. – Ф. 906. – Оп. 5. – Д. 163 (1903 г.).
20. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства [Текст]. – М. – Л., 1924. – Т. 3. – С. 259.
21. Перегудова, З. И. Политический сыск России (1880–1917 гг.) [Текст] / З. И. Перегудова. – М., 2000. – 432 с.
22. Полное Собрание Законов Российской империи [Текст]. – Собр. 2. – Т. 42. – № 44956.
23. Работнов, Н. Г. Тайны Ярославского застенка [Текст] / Н. Г. Работнов // Ярославская старина. – Ярославль, 1924. – С. 65.
24. Чудакова, М. С. Проблемы взаимоотношений общей и политической полиции царской России [Текст] / М. С. Чудакова // Вестник Томского университета. История. – 2010. – № 3(11). – С. 26–38.
25. Чудакова М. С. Противостояние. Политический сыск дореволюционной России. 1880–1917 [Текст] / М. С. Чудакова. – Ярославль, 2003. – С. 157.
5. GATO. – F. 927. – Op. 1. – D. 96. – L. 10, 26 ob.
6. GATO. – F. 927. – Op. 1. – D. 98.
7. GATO. – F. 927. – Op. 1. – D. 137. – L. 5.
8. GATO. – F. 927. – Op. 1. – D. 235.
9. GATO. – F. 927. – Op. 1. – D. 1530. – L. 7.
10. GAYAO (Gosudarstvennyj arkhiv YAroslavskoj oblasti). – F. 906. – Op. 1. – D. 297. – L. 22 ob.
11. GAYAO. – F. 906. – Op. 4. – D. 186. – L. 2 ob., 3.
12. GAYAO. – F. 906. – Op. 4. – D. 278. – L. 9.
13. GAYAO. – F. 906. – Op. 4. – D. 13. – L. 1.
14. GAYAO. – F. 908. – Op. 1. – D. 3. – L. 60 B.
15. GAYAO. – F. 912. – Op. 1. – D. 463.
16. GAYAO. – F. 912. – Op. 1. – D. 63. – L. 11.
17. GAYAO. – F. 912. – Op. 1. – D. 65. – L. 187.
18. GAYAO. – F. 912. – Op. 1. – D. 7. – L. 29.
19. GAYAO. – F. 906. – Op. 4. – D. 273. – L. 244 (1902 g.); GAYAO. – F. 906. – Op. 5. – D. 163 (1903 g.).
20. Padenie tsarskogo rezhima. Stenograficheskie otc-hety doprosov i pokazanij, dannykh v 1917 g. CHrezvy-chajnoj sledstvennoj komissii Vremennogo pravitel'stva [Tekst]. – M. – L., 1924. – T. 3. – S. 259.
21. Peregudova, Z. I. Politicheskij sysk Rossii (1880–1917 gg.) [Tekst] / Z. I. Peregudova. – M., 2000. – 432 s.
22. Polnoe Sobranie Zakonov Rossijskoj imperii [Tekst]. – Sobr. 2. – T. 42. – № 44956.
23. Rabotnov, N. G. Tajny YAroslavskogo zastenka [Tekst] / N. G. Rabotnov // YAroslavskaya starina. – YA-roslavl', 1924. – S. 65.
24. CHudakova, M. S. Problemy vzaimootnoshenij obshhej i politicheskoy politicii tsarskoj Rossii [Tekst] / M. S. CHudakova // Vestnik Tomskogo universiteta. Is-toriya. – 2010. – № 3(11). – S. 26–38.
25. CHudakova M. S. Protivostoyanie. Politicheskij sysk dorevoljutsionnoj Rossii. 1880–1917 [Tekst] / M. S. CHudakova. – YAroslavl', 2003. – S. 157.

Bibliograficheskij spisok

1. Arkhiv UFSB Tverskoj oblasti. Kolleksiya arkhivno-sledstvennykh del.
2. Veroy i pravdoj. FSB. Stranitsy istorii [Tekst]. – YAroslavl', 2001. – S. 62.
3. GARF (Gosudarstvennyj arkhiv Rossijskoj Federatsii). – F. 102 OO 1902. – D. 825. – L. 15 ob.
4. GATO (Gosudarstvennyj arkhiv Tverskoj oblasti). – F. 927. – Op. 1. – D. 52.